



ЗВЕЗДЫ НА ПОЛОСАХ

Я закончил консерваторию в 1956 году. Нас поздравляли на сцене Комеди-Франез, и я был уверен, что то был мой последний выход на подмостки этого театра. Рядом с ним было больше кафе Ла Режанс, куда постоянно ходили актеры и студенты академии. Мы там в футбол играли, неподалеку. Один тип подошел и спросил меня: "Хочешь сниматься в кино?" Это был Анри Айснер, он работал монтажником и говорил снимать свой первый фильм как режиссер. Полтора месяца мы чего-то снимали на аэродроме, все время веселились, нас немного на самолетах покатали. Там были еще Мишель Пикколи, Бернар Фрессон. Нам за фильм ничего не заплатили, а в прокат он вышел только потом, когда я стал знаменитым, да и то втихую. Вот так я впервые снялся в кино.

В те годы я ходил в кино, смотрел все фильмы с Габеном, Симоном, но не представлял себе, что стану киноактером. Моя работа - театр, там и стиль другой и вообще. Наши преподаватели любили повторять: "Габен не мог бы сыграть в "Мизантропе"! Вот мы и снимали пенки по провинциям, переезжали из одной дыры в другую - зато наши имена писали в афишах огромными буквами. Помню, мы играли "Минимого большого" с Жирардо и Галабро.

В том же году я сыграл с Аленом Делоном и Анри Видалем в фильме "Будь милой и молчи" Марка Аллере. Видаль привел меня на съемки. Мы с ним познакомились в баре Лескальд на улице Блондель, где всегда можно снять девушку. Видаль тогда был большой звездой и ужасно мне нравился. Мы вместе собирались. А после "Будь милой и молчи" я снова вышел на сцену в "Укрощении строптивой" в Атенее. Главную роль играл Пьер Брассер, я учился в Консерватории вместе с его сыном Клодом, и он нас познакомил. Потом, конечно, Брассер-паша вытаскивал меня из неприятностей, когда я подрастал с одним типом и попал в комиссариат. Я так разбил ему морду, что они решили, будто я ударил его ножом. Нет, говорю, я только кулаками бил! Брассеру эта история ужасно понравилась, он потом брал меня с собой на прогулки по пляс-Пигалье, задирая сутенеров, а когда те огрызались, говорил мне - ну давай, заступись за меня! Мы с ним дружили до его смерти.

Марк Аллерге пригласил меня, когда начал снимать свой следующий фильм "Забавное восхождение". В то время я получал гроши, и вдруг - миллион франков! Старыми, конечно. Я тогда жил на улице Деффер-Рошро, так я раскрыл очку, вынулся и заорал на весь двор: "Эй, я теперь миллионер! Мы снимали фильм в Марселе, у меня была одна сцена с Арлетти, и она проявила ко мне симпатию. В тот день съемки закончились раньше обычного, и я ей сказал, что раздобуду для нее машину. Продюсеры мне сказали: "Подождет, как все остальное!" И я отправился ловить для мамы такси. Миллионер - черт возьми!

У нас сложилась симпатичная компания, мы тренировались в улье Сен-Бенуа. Туда пришел Марсель Карне, и он принял меня за профессионального боксера. Когда я признался ему, что я пиццедой, он был ужасно разочарован, но согласился попробовать меня на главную роль в фильме "Обманщики". У него было много кандидатов, но в финал прошли я и Лоран Терзиерфф. Мы с ним решили: кто получит роль, тот выставляет проигравшему выпивку. В тот вечер я пил на халву, но я не жалую, потому что роль действительно была не для меня. Мойго лет спустя Карне почему-то написал в своей книге, будто я очень хотел получить у него главную роль. И, кстати, "Обманщики" и еще "Лифт на эшафот" - два случая за всю мою жизнь, когда я не получил роль, на которую пробовался. После "На последнем дыхании" у меня не было отпа от предложения. А до этого я еще снялся в очень забавном кино "Мадму-



Жан-Поль Бельмондо

зель Анж" с Роми Шнайдер. Там часть события происходит на самом деле, а часть - воображаемые героиней. Режиссер Редвани постоянно путался, что мы снимаем, мечту или явь. Он все время называл Анри Видала "моя крошка", тот бесился - "не смейте называть меня "моя крошка"! Саму Роми Шнайдер я почти не видел, я играл друга главного героя, Видаль был голщиком, я - его механиком. Фильм снимали во время Гран-при в Монако, по вечерам мы с Видалем пиратовали в южных кабаках, мне было 25, ему 40, и я думал - черт побери, парень неплохо держится для своего возраста! Интересно, что обо мне думают нынешние 20-летние...

В июле 1959 я случайно попал к Шабрюлю в "Двойной поворот ключа". Жан-Клод Бриали заболел и порекомендовал меня вместо себя. Я приехал в контору продюсеров, братьев Хаким, они усадили меня в кресло и говорят: "Ох, какой же ты некрасивый!" В то время я молодой был, горячий, они еле удержали меня на пороге. В конце концов пришел на съемочную площадку, понятия не имея, что они тут снимают, и начал с той самой сцены,

Жан-Поль БЕЛЬМОНДО:

где я рьяго в лицо Мадлен Робинсон. Она, наверное, долго не могла понять, где они откопали такого типа. Шабрюль перед съемками сказал мне: "Выдай на всю катушку, не стесняйся!" Сначала мне было весело, потом Шабрюль узнал, что я в 25 лет не умею водить машину, а по фильму должен уметь... короче, чудом обошлось без увечий. "Двойной поворот ключа" отправили на Венецианский фестиваль, и его там разнесли в пух и прах.

В те годы я делал кинопробы. Забавные были случаи. Клузо готовился к съемкам "Истины", позвал меня на пробы. Я должен был в тот день также успеть на пробы в "Модерато кантабиле", поэтому ужасно торопился. Клузо это заметил, залер комнату на ключ, чтобы я не бежал, и заставил меня полчаса трепать за грудь Брижит Бардо. Правую, левую... Приятно, конечно, но весь актерский этюд сваял к ошущиванию плоти. Впрочем, я с самого начала знал, что на роль дирижера оркестра не пожу. Клузо тоже не мог этого не видеть, просто его задевало, что мне плевать на его фильм. Чем больше я отнекивался, тем больше он возбуждался. Как женщина, ей-Богу. Но с другой стороны, только благодаря этой пробе я смог пообщаться на съемочной площадке с Брижит Бардо. Нам так и не довелось сняться вместе, хотя она была главной кандидаткой на "Сирену Миссисипи".

В 1959 году я снялся на телевидении - в первый и в последний раз. Обстоятельства это была просто запись театрального спектакля. Я был очень удивлен, что мне предложили роль д'Артаньяна, я скорее рассчитывал на Пляссе. Очень приятные воспоминания: помимо меня, в "Мушкетерах" были заняты Гюро, Галабро, Сорано, Жан Шверис. Когда "Мушкетеры" показали по телевизору, я понял, какая это всемогущая штука: еще вчера обо мне никто не знал, а наутро после показа я проснулся героем нашего квартала.

"Модерато кантабиле" снимали до того, как "На последнем дыхании" вышел на экран. Жан-на Моро видела меня на сцене и предложила мою кандидатуру Питеру Бруку. Меня позвали на прослушивание к нему и Маргерит Дюра. Смеял да и только. Дюра смотрит на меня и говорит: "Нет, он не наш герой". Брук ей вторит: "Нет, совсем не то". Меня так и подмывало сказать - ребята, давайте разойдемся по хорошему. В конце концов они меня взяли, но я так и не понял, что это было. Тексты, которые нужно было произносить, — я до сих пор их не понимаю! Я злился, стискивал зубы и говорил себе - вот оно какое, серьезное кино!

С Годаром я познакомился в Сен-Жерменде-пре. Мы кивали друг другу при встречах, но я не знал, кто он такой. Он всегда был плохо выбрит, и мне казалось, что у этого парня постоянно случаются какие-то неприятности — у него такой озабоченный вид! Однажды он ко мне подошел и спрашивает: "Хотите сняться в кино?" "О нет, говорю, нет, спасибо, не надо!" "А я хотел заплатить вам 50 тысяч франков!" — "Новыми?" — "Нет, старыми, но мы сразу же пойдем на квартиру и быстро все снимем!"

Я посоветовался с женой, и она мне сказала: "А чего тебе терять? Если это окажется какая-нибудь гадость, бей его кулаком прямо в морду и драпай". Но все прошло очень мило, а когда мы закончили съемки, — это была короткометражка "Шарлотта и ее хахаль" — он мне сказал: "Если когда-нибудь я буду снимать полнометражный фильм, обязательно тебя приглашу".

Я был уверен, что дальше короткометражки у этого парня не пойдет. Но вдруг он меня звонит и говорит: "У меня есть идея. Тип, который ворует машину в Марселе. Он приезжает в Париж, а дальше посмотрим. Одно из двух - или он женится на своей возлюбленной, или погибнет. Снимать начинаем 16 августа".



“Я, не колеблясь, выбираю роль паяца”

“Бельмондо? Да, неплохой актер... Но у него такая противная физиономия! Вряд ли он сможет сниматься в кино.” Так отзывался о молодом выпускнике парижской Консерватории элит французского кинематографа Рене Клер. Впоследствии ему не раз приходилось это высказывать. Парень с противной физиономией стал сенсационным Француз, лицом новой волны, началом культурной революции во французском кино. Бельмондо - единственный французский актер, появившийся на обложку американского журнала Life. Бельмондо - человек, ознаменовавший в 50-е приход на экраны людей с улицы и ставший в 70-е высшим воплощением экранных супергероев.

Ему повезло сниматься почти у всех великих режиссеров того времени. Он был партнером Габена, Вентуры, Брассера, Буриале, Делона, ценовал Клаудио Бурдиссале, Софи Лорен, Джину Лоллобриджида, Джини Себерг, Урсулу Андресс, Янакин Биссе. Карьеру Девы в других прославленных красавиц. В этом году журнал Premiere опубликовал "интервью-полюк", воспламенивший Бельмондо о самых примечательных событиях в его 40-летней кинематографии.

рили, что я слишком громко говорю, что выхожу из света прожекторов, короче, возможное злудство. И вдруг оказалось, что в кино возможно на абсолютная, тотальная свобода. Я испытал настоящее озарение. Звук накладывали потом, отдельно, поэтому Годар просто включал камеру и говорил нам из-за кадра, что нужно делать, как в немом кино. Режиссер-супрлер. В первый же день съемок он мне сказал: "Зайди в телефонную кабину". — "А потом?" — "Потом — звони." Я зашел и набрал номер. Выхожу, он мне говорит: "Порядок. Завтра вернемся. Сегодня у меня больше нет никаких идей". Помню, в какой-то день Джин Себерг была накрашена не очень удачно. Он из-за камеры приказал сказать: "Скажи ей, что она накрашена, как уродка". Ну, казали по телевизору, я понял, какая это всемогущая штука: еще вчера обо мне никто не знал, а наутро после показа я проснулся героем нашего квартала.

"Модерато кантабиле" снимали до того, как "На последнем дыхании" вышел на экран. Жан-на Моро видела меня на сцене и предложила мою кандидатуру Питеру Бруку. Меня позвали на прослушивание к нему и Маргерит Дюра. Смеял да и только. Дюра смотрит на меня и говорит: "Нет, он не наш герой". Брук ей вторит: "Нет, совсем не то". Меня так и подмывало сказать - ребята, давайте разойдемся по хорошему. В конце концов они меня взяли, но я так и не понял, что это было. Тексты, которые нужно было произносить, — я до сих пор их не понимаю! Я злился, стискивал зубы и говорил себе - вот оно какое, серьезное кино!

С Годаром я познакомился в Сен-Жерменде-пре. Мы кивали друг другу при встречах, но я не знал, кто он такой. Он всегда был плохо выбрит, и мне казалось, что у этого парня постоянно случаются какие-то неприятности — у него такой озабоченный вид! Однажды он ко мне подошел и спрашивает: "Хотите сняться в кино?" "О нет, говорю, нет, спасибо, не надо!" "А я хотел заплатить вам 50 тысяч франков!" — "Новыми?" — "Нет, старыми, но мы сразу же пойдем на квартиру и быстро все снимем!"

Я посоветовался с женой, и она мне сказала: "А чего тебе терять? Если это окажется какая-нибудь гадость, бей его кулаком прямо в морду и драпай". Но все прошло очень мило, а когда мы закончили съемки, — это была короткометражка "Шарлотта и ее хахаль" — он мне сказал: "Если когда-нибудь я буду снимать полнометражный фильм, обязательно тебя приглашу".

ной сцене.

Мне повезло сниматься с великими, с самыми великими, и все они были очаровательными людьми. Маленькие актеры всегда пыжались, великие просты и приятны. Вот Габен, например. Если смеюсь ровно в 12, он придет без чертврти 12 и стойким съест свою котлетку в павильоне. Это был профессионал в лучшем смысле слова, он получал удовольствие от работы и никогда не ставил перед собой метафизические проблемы. Но это не значит, что он не нес в себе этих проблем. Я познакомился с ним на съемочной площадке "Обезьянки зимой". Каждое утро он заявлял: "Что-то у меня с брюхом неладно. Сегодня вечером - никаких забав." Вечером шли обедать, он говорил: "Ну, наперсток вишни можно проглотить". Выпивали, и он по горячим следам: "Малыш, а ну-ка налеги мне еще одну!" Попали устриц, пили белое вино. А наутро Габен говорил: "Что-то у меня с брюхом неладно." Как-то вечером он усадил на велосипед меня, нашего режиссера Одиара, Коста Гавраса, который был помощником режиссера и нашего продюсера Бара и устроил нам гонки вокруг отеля "Нормандия". Бара чуть кондрашка не хватила, мы все устриц выебливали, а он смеялся: "Ох вы, спортсмены!" Теперь, когда он мертв, его называют великим, гениальным, мощным актером. А тогда критики писали о нем черт-те что.

Еще одно прекрасное воспоминание - "Кар-

ЗВЕЗДЫ НА ПОЛОСАХ



ленца! Мы с ним подружились. Хотя у него была репутация завзятого бабника, он оказался мне тихим, стеснительным человеком. У него два раза снялся в англоязычных суперпродукциях: "Горит ли Париж?" и "Казино Рояль". Про "Париж" мне рассказывали такую историю: Кирк Дуглас, который играл там главную роль, заявил, что не будет сниматься в фильме, если в нем не будет Бельмондо. Ну, все сразу же забыли, что я некрасивый, и стали говорить, какой я очаровашка. Я снялся в "Париже" только ради денег. А с "Казино Рояль" вышла другая история: продюсер фильма Фельдман был другом Урсулы Андресс, и я поехал к ним в Голливуд. Они пригласили меня на съемочную площадку, и когда я там оказался, попросили произнести "Прибыл француз!" и три раза ударить кого-то по морде. Потом они написали мое имя в афише огромными буквами, но мне неудобо было возражать, друзья все-таки.

В 60-70-е годы все меня убеждали, что я должен сниматься в Голливуде. Особенно когда мою физиономию напечатали на обложке "Лайфа" и написали "Французский любовник". Но я не хотел учить английский язык, и потом здесь мне было так здорово, чего я забыл там, в Америке? Они же не дадут мне роли, написанной для Стива МакКуина, а изобразать "французки-ком и итальяншек" я не хотел. И потом, я видел, как они там работают, в Америке, когда играл у

бой период!" С Делоном я был знаком еще со времен нашего ир на улице Сен-Бенуа. Когда мы снялись в "Борсалино", единственной проблемой у нас было расположение имен в титрах. Кого писать первым в афишке? В результате получилось "Делон представляет Бельмондо и Делона" — смехом, но я не возражал, ведь он был продюсером. Хотя нас часто противопоставляли, между нами никогда не было соперничества. У каждого были свои роли и своя публика. За "Борсалино" он мне неплохо заплатил, 70-е 80-е годы были самыми выгодными с точки зрения гонораров.

Самый длинный фильм в моей карьере - "Повторный брак". Мы снимали его в Румынии около полугода. Много снега и много румын. Им почти ничего не платили, и они почти ничего не делали. Я должен был следить за тем, чтобы Пьер Брассер пребывал в трезвом состоянии все эти месяцы, это было самое ужасное испытание. Когда я встретил его в аэропорту Бухареста, он вывалился из самолета пьяный в стельку: "Я решил привезти тебе пару бутылочек, мой мальчик, но все выхлебал по дороге!" И потом он пол месяца не переставал, но когда выходял на съемочную площадку, никто не замечал, что он пьян. Великий был человек.

В начале 70-х у меня шли одни хиты: "Мозг", "Борсалино", "Обграбление", "Великолепный". Критики просто забесились, они же так не лю-

м...ки!" Они ругали меня за то, что Ставиский - симпатичный мошенник. Интересно, где это они встречали антипатичных мошенников? Мошенник должен быть симпатичным, иначе никто не купится. Конечно, сегодня "Ставиский" считается хорошим фильмом, его показывают по телевидению, я до сих пор получаю свои продюсерские отчисления.

У Лотнера я снялся в трех хитах подряд: "Полицейский или бандит", "Вориска-неудачник" и "Профессионал". Имейте в виду, что мы получили через моего отца-архитектора специальное разрешение съехать на машине по ступенькам Трокадеро при условии, что мы их не повредим. В тот день мы изрядно повредились за эти драгоценные ступеньки, но все обошлось. Сборы от фильма были огромные. А потом я еще сыграл в "Асе из асов" Ури Крипки совсем олоупоумно. Особенно они нападли на мои трусы в горошек в "Вориске". Конечно, их можно понять, когда на улицах везде развешаны афиши, где герой в трусах, это еще больше бьет по глазам, чем голубые красотики. Алгозем стал "Ас из асов": в первый день его посмотрело 72 тысячи зрителей, и нас обвинили в том, что мы "украли" аудиторию у "Комнаты в городе", которая вышла в то же время.

Меня стали называть каскадером. Не понимаю, почему их так раздражает, что я сам делаю трюки? Мне это нравилось, и все. Я висел на веревке, привязанной к вертолету, потому что у меня не бывает головокружений. Ну где еще я могу быть машинистом и попадать в полицию, как не на съемках? Мне приятно, зрители нравятся, ну чего еще нужно? Но для парижских интеллектуалов я перестал быть актером, я стал "просто каскадером". Начали говорить глупости: мол, если я не исполню свои трюки, это уже не кино. И режиссеры подпевают, мол, если я приглашу в свой фильм Бельмондо, это будет не мой фильм, а фильм Бельмондо! Чуть собацать! Конечно, в бовские нужны трюки, конечно, актер оказывает влияние на весь фильм, но зачем же передергивать!

Однако в те годы все перестали писать обо мне как об актере и только считали, сколько кинопоисений набрал тот или иной фильм. Когда "Счастливого Пасхи!" собрал за первую неделю более 270 тысяч зрителей, газеты написали: "Это конец Бельмондо!" А когда сегодня "Проклятая лужайка" собирает 180 тысяч за неделю, это считается великолепным результатом. Но те наши давние фильмы могли конкурировать с Голливудом, а теперь... "Счастливого Пасхи" вернули мне вкис к театру. Практически это был засаженный на пленку спектакль Жана Гуаре с несколькими трюками для оживления действия. Мы снимали большими кусками, как на телевидении. И я снова поверил в себя как актера. Мне снова захотелось играть на сцене, и тогда я решил, что сыграю "Кина". Сегодня люди говорят, что это был хороший спектакль. Но вначале никто не знал, как его оценивать: парень, который прыгал из вертолета, вдруг вышел на подмостки играть актера-починику. Зал, конечно, был полон, но отзывы были разные. И я понял, что в моей жизни началось новый период. Теперь я выбираю только те роли, которые нравятся мне. Клод Лелуш очень кстаи предложил мне сыграть в "Баловне судьбы". Этот персонаж помог мне выбраться из череды "вориска-неудачников", которых я больше не могу и не хочу играть. Если сейчас я вернусь к прежнему делу, мне скажут: "Смотрите-ка, дедушка из вертолета вывалился!" Я был рад, что "Баловня" хорошо приняла публика и очень обрадовался, когда Лелуш снова позвал меня к себе на "Отверженных". Сыграть Жана Вальжана - о чем еще может мечтать актер? И потом, Лелуш - актерский режиссер. Он умеет заставить актера почувствовать свою значительность. Даже когда он седедтся, он никогда не обидит актера. Критикам на это плевать, они обкачывают на рецензиях какие то свои дурацкие идеи. Деве, Лотнер, Верней - их постоянно терзали рецензенты. Но эти режиссеры много дали французскому кино. Мне было очень приятно сниматься у Годара, но у Лотнера - тоже. И "Вориска-мошенник" тоже дороже мне, как и "Безумный Пьеро". Конечно, "Вориска" - не шедевр, но первые две трети фильма замечательны. Если бы я не снимался в веселых трюковых лентах, мне было бы гораздо грустнее жить. И зрителям тоже. Мне повезло испытать себя во всех жанрах, и я ни о чем не жалую. Если бы вы предложили мне выбрать между карьерой актера интеллектуала, который выступает в зале на несколько десятков человек и постоянно слышит дфидрамбы критиков, и паяца, развлекаящего многотысячную толпу, я бы, не колеблясь, выбрал последнее.

ПАРИЖ, 1995.
Перевела с французского Елена ТЕЛИНГАТЕР.

туш". Я очень доволен, что снялся в историческом фильме, смог покоскать на коне, помахать шпагой. Мы снимали его, чтобы развлечься, сейчас кино стало гораздо более серьезным. Тогда были такие психи, как Александр Мнушкин, я обожал его, как второго отца. Мы вытварили на съемочной площадке ужасные радости, он орал на нас, злился, даже плакал, но все равно он любил это дело. Если мы не устраивали полюек, не громили номера в отеле, он нас спрашивал: "Что это с вами? Вы заболели?"

В Бразилию на съемки "Человека из Рио" отправилось 13 человек, Мнушкин в том числе. Он, продюсер, занимался костюмами, красил наш самолет. Мы действительно были одной большой командой, теперь так больше не работают. В сцене, когда мне нужно было перепрыгнуть с крыши на крышу, он сказал: "Я запрещаю тебе болтаться на канате, пусть это сделает каскадер!" — "А если он погнбнет?" — "Плевать, что он работает!" Через десять минут звучит команда "мотор", и Мнушкин видит на канате меня. На следующий день он мне говорит: "Я запрещаю тебе вылезать из окна!" Потом подул и говорит: "Ты считаешь, хороший кадр получится?"

Жиль Деламар, мой каскадер, был мне больше другом. Обожаю приколы. Помню, в Рио я садился за руль, а он вылезал на крышу авто-мобиля, заглядывая в кабину идущего рядом грузовика и просил прикурить. Он постоянно общался завязать с работой каскадера, и однажды пришел ко мне (я тогда снимался в "Нежном проходимце") и сказал: "Я собираюсь стать режиссером, и буду играть в моем фильме главную роль. Если хочешь, можешь делать за меня трюки". Мы ударили по рукам, а через несколько дней он погил. Именно в тот момент, когда он действительно решил завязать. Мне, конечно, приходилось выделывать на экране всякие забавные штуки, но по сравнению с Деламаром я был младенцем!

Я закончил сниматься в "Приключениях китаяца в Китае", когда мне снова позвонил Годар: "Я хочу снимать полицейский фильм, прочитай-ка эту книжку". Он дал мне роман "Одержимость" Лайонела Уайта, потом сказал: "Понаравилось?" — "Да, очен!" — "Замечательно, но мы будем снимать другое кино!" — и повторилась история с "На последнем дыхании". "Безумный Пьеро" снимался быстро: никаких сценариев, никаких репетиций, ничего. Помните сцену, когда я раскрываю себе лицо? Годар просто навел на меня камеру и сказал: "Бери кисти и размалывай физиономию!" Можете считать это импровизацией. Кстати, многие молодые режиссеры сегодня верят, что лучший метод работы - импровизация. Но я-то помню, что Годар ни на секунду не расставался со своими тетрадочками. Жаль, что мы с ним только два раза работали. Я едва не сыграл у него в "Банде Бонно". Годар предложил мне эту роль как раз когда я снимался у Малля в "Воре", и я ему ответил: "Знаешь, я не хочу играть в двух исторических фильмах подряд". Он мне ответил: "Если ты в одном фильме носил современные пиджаки, это же не значит, что ты не будешь носить его в другом современном фильме!"

У Жака Беккера я снялся в трех фильмах. В 1961-м я сыграл в его первом фильме "Человек имени Ла Рокка", три года спустя он позвал меня в "Свободный выход", а потом я сыграл в римейке "Ла Рокка". "Нерегушке" Я один из немногих актеров, который ухитрился сняться в римейке своего фильма в той же роли, что и в первый раз. А в "Свободном выходе" мой брат Ален впервые попробовал работать продюсером. Мы снимали в Греции, Ливане. Приятно было снова встретиться с Джин Себерг. Ее муж, Ромен Гари, смотрел на наши выходы с завистью. Сам он не смел выкидывать такие



Лелуша в "Мужчине, который мне нравится". Здесь я привык, что на съемках весело, а у них никто не смеялся, никаких шуток, все на пределе сил и возможностей. Но вообще-то путешествие в Америку было приятным. Мы с Анни Жирардо и Клодом Лелушем путешествовали на машине, летали на Гранд-Каньон. Прямо каникулы!

Думаю, конечно, меня часто ругали. "Вора" раскритиковали. "Сирену Миссисипи" тоже. Обо мне писали всякие гадости - мол, что я подрался с Делоном на съемках "Борсалино", что я извращенец и занимаюсь скотолопством. Мы молги придумать что-нибудь поприятнее - например, что я гомик! Я бы, наверное, не возражал - невозможно с Габеном, невозможно с Вентурой, невозможно с Делоном. "Бельмондо, голу-

бят, когда у кого-то все хорошо. "Великолепно-го" страшно раздражали, хотя это один из моих любимых фильмов. Мы снимали его в Мексике, там же и отпраздновали мое 40-летие, разнесли весь отель. Утром я пошел к его владычеству извиняться и платить за ущерб, а он меня спрашивает: "Ну как, хорошо повеселились?" Оказался моим поклонником и ничего с меня не взял.

Я решил попробовать стать продюсером, сначала в "Докторе Пополе", а потом на "Стависком" Рене. Я не хотел, чтобы этот фильм вышел в Канны, но все меня убеждали, что я ошибаюсь. В результате нас освистали на набережной Круазетт. Ален Рене потом пять лет ничего не снимал. Обычно мне плевать на критиков, но тут я ему сказал: "Все они просто